Мата Хари. Шпионка

Автор:
Пауло Коэльо

Мата Хари. Шпионка

Пауло Коэльо

От детства в маленьком голландском городке и брака с алкоголиком на Яве – к покорению Парижа, куда Мата Хари приехала без денег и где вскоре приобрела славу одной из самых элегантных женщин эпохи, – всю жизнь Мата Хари следовала своей правде, всегда была честна с собой и свободна от предрассудков и шаблонных истин. Она дорого за это заплатила.

Пауло Коэльо с блистательным мастерством погружается в ее жизнь и воскрешает ее для современных читателей как живой пример того, что даже самые высокие деревья берут начало в маленьком зернышке.

Пауло Коэльо

Мата Хари. Шпионка

Книга издана с разрешения

Sant Jordi Asociados Agencia Literarie S.L.U., Barcelona, SPAIN

Originally published as A Espia (The Spy) by Paulo Coelho

Copyright © 2016 by Paulo Coelho

© Богдановский А., перевод, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

О Мария, без греха зачатая,

моли Бога о нас, к Тебе прибегающих.

Аминь.

Когда ты идешь с соперником своим к начальству, то на дороге постарайся освободиться от него, чтобы он не привел тебя к судье, а судья не отдал тебя истязателю, а истязатель не вверг тебя в темницу;

Сказываю тебе: не выйдешь оттуда, пока не отдашь и последней полушки.

Лк. 12:58–59

Основано на реальных событиях

Пролог

Париж, 15 октября 1917 года – Антон Фишерман и Генри Уэллс для «Интернешнл ньюс сервис»

Около пяти утра группа из восемнадцати мужчин, почти все – офицеры французской армии, поднялась на второй этаж парижской женской тюрьмы Сен-Лазар. Надзиратель с факелом, указывая дорогу, довел их до камеры номер 12.

За порядком в Сен-Лазаре смотрят монахини. Дверь камеры открыла сестра Леонида и попросила прибывших подождать, потом вернулась внутрь, чиркнула спичкой о стену, зажгла лампу. Подозвала к себе другую сестру.

Потом осторожно, очень нежно и бережно обняла крепко спящую узницу. Та не спешила проснуться, словно происходящее ее не касалось. Сон ее, как утверждали монахини, был безмятежен, безмятежным было и пробуждение. Не поразило ее и известие о том, что на прошение о помиловании, отправленное несколько дней назад, президент республики ответил отказом. Невозможно было понять, ощутила ли она горечь или облегчение от того, что близится конец.

По знаку сестры Леониды в камеру вошли отец Арбо, капитан Бушардон и адвокат, мэтр Клюне. Ему узница вручила длинное письмо-завещание, которое составляла целую неделю, и два коричневых конверта с газетными вырезками.

Она натянула черные шелковые чулки – что в этих обстоятельствах выглядело несколько вызывающе – обула высокие ботинки, украшенные шелковыми бантами, поднялась с топчана, сняла с вешалки в углу длинное, до пят, меховое манто, отделанное по обшлагам и воротнику другим мехом, похожим на лисий. Надела его поверх плотного шелкового кимоно, в котором спала.

Черные ее волосы были в беспорядке, она аккуратно причесала их и заколола на затылке. Надела фетровую шляпу, завязала под подбородком шелковые ленты, чтобы не сорвал ветер на том пустыре, куда ее везли.

Неторопливо наклонилась за черными кожаными перчатками. Потом повернулась к пришедшим, сказала безразлично и спокойно:

– Я готова.

Все вышли из камеры и направились к автомобилю с работающим мотором, готовому отвезти их к месту, где уже дожидалась расстрельная команда.

Автомобиль сорвался с места, на запретно-высокой скорости промчался по спящим еще улицам города и двадцать минут спустя остановился на плацу у казарм бывшего Венсенского форта, разрушенного немцами в 1870 году.

Все вылезли из автомобиля – Мата Хари последней.

Солдат уже выстроили для приведения приговора в исполнение. Расстрельная команда состояла из двенадцати зуавов под командой офицера с саблей наголо.

Покуда отец Арбо говорил что-то приговоренной, подошел какой-то лейтенант и протянул одной из монахинь кусок белой ткани:

– Завяжите ей, пожалуйста, глаза.

– Это что, обязательно? – спросила Мата Хари, не прикасаясь к повязке.

Адвокат Клюне вопросительно поглядел на лейтенанта.

– Нет, не обязательно, – ответил тот. – Только если вы, сударыня, сами захотите.

Ей не скрутили руки за спиной, не завязали глаза. Священник, монахини и адвокат отошли от неё, и она, равнодушно глядя на палачей, осталась одна.

Офицер с саблей, который как будто тоже сумел унять волнение, не спускал глаз со своих солдат: по обычаю, одна из винтовок была заряжена холостым патроном, и никто не знал, какая именно, так что каждый мог бы заявить, что роковой выстрел произвел не он. С минуты на минуту все будет кончено.

– Готовьсь!

Все двенадцать выпрямились и вскинули винтовки.

Приговоренная даже не вздрогнула.

Офицер встал так, чтобы солдаты видели его, и поднял саблю.

– Цельсь!

Стоявшая перед ними женщина по-прежнему не выказывала ни малейшего признака страха.

Сабля со свистом описала в воздухе дугу и опустилась.

– Пли!

Когда раздался залп, взошедшее солнце осветило вырвавшиеся из ружейных стволов вспышки и сразу вслед за тем – легкие дымки. После этого солдаты одновременно опустили винтовки наземь.

Какую-то долю секунды Мата Хари оставалась неподвижна. Она умерла не так, как это показывают в кино. Не рухнула навзничь, не повалилась ничком, не воздела рук к небу, не раскинула их. Просто осела наземь, по-прежнему держа голову высоко, а глаза – открытыми. Один из солдат упал без чувств.

Потом ее колени подогнулись, тело завалилось вправо, и длинное манто накрыло подобранные ноги. Женщина застыла лицом вверх.

Вынув из кобуры револьвер, третий офицер в сопровождении лейтенанта подошел к безжизненному телу. Наклонился над лежащей, приставил оружие ей к виску, но так, чтобы срез дула не коснулся кожи. Нажал на спусковой крючок, и пуля прошила мозг шпионки. Офицер выпрямился, обернулся к присутствующим и не без торжественности произнес:

– Мата Хари мертва, господа.

Часть первая

Дорогой мэтр Клюне,

Мне неведомо, что будет со мною через неделю. Прежде я всегда глядела в будущее с надеждой, но чем дальше, тем мрачнее делается у меня на душе и тем горше мое одиночество.

Если сбудется все, на что я надеюсь, вы никогда не получите этого письма. Меня должны помиловать. Не зря же я почти всю жизнь обхаживала своих высокопоставленных друзей? В этом случае я сохраню его для дочери, пусть она прочтет и узнает, кем была ее мать.

Если же я ошибаюсь и мне предрешен иной исход, я не жду, что вы сохраните эти страницы, хотя я и посвятила им последнюю, быть может, свою неделю на этой земле. Я не витаю в облаках и знаю, что, окончив одно дело, адвокат переходит к следующему, даже не оглянувшись на клиента.

Теперь я отчетливо вижу, что произойдет дальше: отныне вы станете нарасхват – вы защищали военную преступницу и снискали себе признание. Люди будут толпиться у ваших дверей, умоляя вас принять их дело. Вы не выиграли процесс, но стяжали лавры. Журналисты станут осаждать вас в надежде узнать ваше мнение о моем деле, вы станете обедать в самых дорогих ресторанах города, и повсюду вас будут провожать уважительные и ревнивые взгляды коллег. Вы знаете, что не существует ни единого доказательства моей вины, ничего, кроме подтасованных документов, но вы никогда не позволите себе признаться публично, что отправили на смерть невинную женщину.

Невинную? Возможно, я не очень точно выбрала слово. Даже в тот день, когда я впервые ступила на камни парижской мостовой, меня нельзя было назвать вполне невинной. Я думала, что сумею обмануть тех, кто ждал от меня государственных секретов, я думала, что все они – немцы, французы, англичане, испанцы – окажутся передо мною бессильны, а в итоге изнемогла сама. Я безнаказанно попирала закон – закон, по которому этот мир принадлежит мужчинам, – я осмеливалась быть в этом мире свободной и независимой женщиной. Я осуждена за шпионаж, хотя доставались мне только обрывки сплетен из великосветских салонов.

Да, я называла эти сведения «секретными», меня тешили деньги и власть. Но всем, кто сегодня меня обвиняет, прекрасно известно, что я ни разу не сказала

ничего нового.

Досадно, что никто об этом не узнает. Досадно, что эти письма быстро окажутся в пыльном ящике, битком набитом другими архивными бумагами, и увидят свет, только когда вашему преемнику или преемнику вашего преемника понадобится немного свободного места и он выбросит вон папки со старыми делами.

К этому моменту мое имя уже канет в безвестность, впрочем, я пишу не для того, чтобы напомнить о себе. Мне хочется понять самое себя. Почему? Как могло статься, что женщина, на протяжении стольких лет неизменно добивавшаяся всего, чего хотела, оказалась приговорена к смерти за такой пустяк?

Я оглядываюсь на свою жизнь и понимаю, что память – это река, текущая к истокам. Воспоминания изменчивы, прихотливы, в них предстает пережитое, и бывает, что от одной какой-нибудь малой малости, от ничтожной мелочи, от еле слышного звука у нас перехватывает горло. В мою камеру проникает запах пекущегося хлеба, напоминая мне о том времени, когда я свободно сиживала в кафе, и это подтачивает мои силы куда верней, чем постоянный страх смерти и одиночества.

Воспоминания приводят с собою демона по имени Уныние, и от этого кровожадного чудовища нет спасенья. Услышать, как напевает кто-то из узниц, обрадоваться письмам от немногих верных поклонников, которые ни разу не дарили мне ни роз, ни жасмина, вспомнить незначительный эпизод, случившийся со мною где-нибудь в путешествии и не тронувший меня тогда – вот и все, что осталось от моей кочевой жизни.

Я не могу сопротивляться воспоминаниям, я бессильна перед ними, а с ними является кое-что пострашнее Уныния – угрызения совести: только они не покидают меня в заключении, не считая монахинь, заглядывающих иногда перемолвиться со мной словом. Добрые женщины не говорят мне о Боге, не осуждают меня за то, что общество называет «распутством». Стоит лишь им заговорить со мной, как немедленно подхватывает меня поток воспоминаний и, погрузившись в него, будто стремясь вернуться в прошлое, я плыву против течения к своим истокам.

Одна из сестер как-то спросила меня:

– Если бы Господь даровал вам вторую жизнь, вы прожили бы ее иначе?

Я ответила «да», но, сказать по правде, сама не знаю, так ли это. А знаю только, что сердце мое подобно городу-призраку, населенному страстями, одиночеством, стыдом, гордыней, предательством и печалью. И я не способна это избыть, даже когда скорблю о своей судьбе и плачу в тишине.

Я выбрала скверное время, чтобы родиться женщиной, и это уж никак не поправить. Мне не дано знать, будут ли обо мне помнить в будущем, но если случится так, хочу, чтобы во мне видели не жертву, но человека, который бесстрашно шел своей стезей и не боялся платить за это полную цену.

Как-то в Вене я познакомилась с одним господином, пользовавшимся чрезвычайным успехом среди австрийцев. Его имени я не запомнила, а фамилия его была Фрейд, и люди восхищались им оттого, что он вернул им возможность былой невинности; переложил наши грехи на наших родителей.

Но сейчас я пытаюсь понять, в чем провинилась передо мною моя семья, и не могу найти никаких грехов. Адам Зелле и милая Антье дали мне все, что можно было получить за деньги. У них была шляпная мастерская, кроме того, они вложили деньги в нефтедобычу, раньше других сообразив, как это выгодно, и их доходы позволили мне получить образование в частной школе, научиться танцам и верховой езде. Когда меня начали называть продажной женщиной, отец написал книгу в мою защиту – безо всякой на то надобности, меня абсолютно устраивала моя жизнь, а книга лишь подлила масла в огонь обвинений: теперь меня звали проституткой и лгуньей.

Да, я была проституткой – если вам угодно так называть ту, что дарует наслаждение и нежность и получает взамен услуги и драгоценности. Да, мне случалось лгать, но так неумышленно и беспечно, что я сама частенько забывала о собственных вымыслах, и чтобы выкрутиться, мне требовалась немалая изворотливость.

Я ни в чем не могу упрекнуть своих родителей: разве виноваты они, что произвели меня на свет в забытом богом городке Леувардене – даже голландцы, мои земляки, не знают, где он находится, верней, в каких краях затерян: там не происходило ровным счетом ничего, и дни были неотличимы друг от друга. Уже

в ранней юности подруги начали мне подражать – так я узнала, что хороша собою.

В 1889, когда счастье изменило моей семье: отец разорился, а мать заболела (и два года спустя умерла), мои родители, желая мне лучшей доли, отправили меня в Лейден с твердым намерением продолжить мое образование, чтобы я могла получить место воспитательницы в детском саду, покуда небеса не пошлют мне супруга, готового взять на себя все заботы. В день моего отъезда в Лейден мать подозвала меня и протянула горстку подсолнечных семечек:

– Возьми это с собою, Маргарета.

Маргарета, Маргарета Зелле – как я ненавидела это имя. Меня окружали толпы Маргарет, названных, как и я, в честь знаменитой в те времена театральной актрисы.

Я спросила, на что мне семечки.

– Это не просто семечки. Они могут научить тебя кое-чему. Запомни, подсолнух – всегда подсолнух, даже в том виде, в котором он теперь перед тобою, и его семечки легко спутать с семечками других цветов. Что ни делай с семечками, никому не под силу вырастить из них розу или тюльпан, символ нашей страны. Если сам подсолнух вздумает отречься от своей сути, он будет влачить жалкое и унылое существование и в конце концов умрет. Будь подсолнухом, научись благодарно и радостно принимать свою судьбу, какой бы она ни была. Юные цветы пленяют своею красой, но, увядая, они оставляют семена, чтобы следующее поколение цветов продолжило славить Господа.

Она ссыпала семечки в мешочек, который – я видела – аккуратно вязала несколько дней подряд, хотя порою ей становилось совсем худо.

– Цветы учат нас, что на свете нет ничего вечного. Не вечны ни юная краса, ни увядание, потому что с ним приходят новые семена. Помни об этом в часы веселья, уныния или тоски. Все проходит, стареет, умирает и воскресает.

Сколько бурь я должна была пережить, чтобы понять всю глубину ее слов? Но в тот момент они показались мне лишенными смысла, и я дождаться не могла, когда же покину свой удушливый город с его одинаковыми днями и ночами.

Сейчас, когда я пишу эти строки, я понимаю, что мать моя говорила не только обо мне, но и о себе.

– Самое высокое дерево вырастает из крохотного семечка. Не забывай об этом и не старайся ускорить бег времени.

Мы поцеловались на прощанье; отец отвез меня на станцию. В дороге мы почти не разговаривали.

Почти от всех мужчин, с которыми я была близка, я получала и удовольствие, и подарки, они вводили меня в общество, и я ни разу не раскаялась в том, что встретилась с ними. Единственное исключение – самый первый из них, директор моей школы, взявший меня силой, когда мне было шестнадцать лет.

Он вызвал меня к себе в кабинет, запер дверь, потом запустил одну руку мне под юбку, а другой начал ублажать себя. Я пыталась вырваться, повторяла жалобно, что сейчас не время, что кто-нибудь может войти, но он молча смахнул бумаги со своего стола, развернул меня к себе спиною, толкнул вперед, заставив облокотиться на стол, и овладел мной грубо и торопливо, потому что опасался, что нас и впрямь застанут в таком виде.

Мать однажды завела со мною беседу, полную намеков, околичностей и недомолвок, и кружными путями объяснила мне, что «сблизиться» с мужчиною можно только по любви и только когда это любовь навеки. Я выбралась из кабинета директора в страхе и растерянности и с твердым намерением сохранить в тайне произошедшее – и сохранила бы, не заговори об этом кто-то из соучениц. Тогда я узнала, что подобное произошло еще с двумя девочками. Но что мы могли поделать? Пожалуйся мы – и нас выгнали бы из школы, и пришлось бы нам возвращаться домой, где нам бы все равно не поверили, так что нам оставалось молчать и терпеть. У меня было единственное утешение – знать, что я не одна такая. Позже, когда Париж заговорил обо мне и о моих танцах, одна из подруг проболталась о моем секрете другой, та – третьей, и вскорости весь Лейден знал, что со мною случилось. Директор к тому времени уже вышел в отставку, и никто не осмелился предъявить ему никакого обвинения. Куда там! Кое-кто даже позавидовал ему – первому мужчине восходящей звезды.

С тех пор физическая близость стала для меня чем-то сугубо механическим, не имеющим ничего общего с любовью.

К тому же Лейден оказался еще хуже Леувардена: знаменитая школа, готовившая воспитательниц, лес, дорога да толпа девиц, не имеющая иных занятий, кроме как учиться присматривать за детьми. Как-то раз, маясь от скуки, я вяло проглядывала раздел брачных объявлений в газетке соседнего городка. И вдруг увидела:

Рудольф Маклеод, шотландец по происхождению, офицер голландской армии, проходящий сейчас службу в Голландской Ост-Индии, познакомится с юной девушкой с целью заключения брака.

Вот оно – мое спасение! Офицер. Ост-Индия. Иные берега, экзотика, неведомые миры. Хватит с меня тоскливой протестантской Голландии, недоверчивой, косной и подозрительной. Я немедленно написала ответ и вложила в конверт фотографическую карточку, постаравшись выбрать самую соблазнительную. Я и не догадывалась, что приятель капитана Маклеода разместил это объявление в шутку и что мое письмо будет шестнадцатым и последним из всех полученных капитаном.

На свидание он явился при полном параде – в мундире по всей форме, с саблей на боку. Носил нафабренные длинные усы, полагая, вероятно, что это придает благообразия его топорной физиономии. Манеры у него были под стать наружности.

В тот день мы немного поболтали о пустяках. Я молилась, чтобы он захотел увидеть меня снова. И мои молитвы были услышаны. Неделю спустя он снова был у ворот школы – на зависть моим товаркам и к досаде директора, который, наверно, рассчитывал на повторение нашей встречи у него в кабинете. Я заметила, что от претендента на мою руку попахивает алкоголем, но не придала этому значения: вероятно, решила я, он просто волнуется в обществе молоденькой барышни, которая, если верить подругам, самая красивая в классе.

На третьем и последнем свидании Рудольф заговорил о свадьбе. Индонезия. Капитан. Путешествия. Чего еще может желать юная девушка?

– Ты никак замуж собралась, Маргарета? – спросила меня одноклассница, тоже прошедшая через кабинет директора. – Твой капитан же на двадцать один год тебя старше! А, кстати, он знает, где искать твою невинность?

Я не удостоила ее ответом. Рудольф побывал в Леувардене и почтительно попросил у отца моей руки. Взяв в долг у соседей, моя семья собрала мне приданое, и 11 июля 1895 года, через три месяца после того, как я ответила на объявление в газете, мы с Рудольфом поженились.

Перемены – это не всегда к лучшему. Если бы не танцы и не Андреас, годы, проведенные в Индонезии, слились бы для меня в один бесконечный кошмар. Страшнее всего было то, что кошмар этот повторялся изо дня в день. Безразличный и вечно окруженный женщинами муж, невозможность сбежать в Голландию, одиночество и вынужденное затворничество оттого, что я не понимала местного языка. Я месяцами сидела в четырех стенах. Если же все-таки выходила из дому, то, куда бы ни шла, за мною все время следили жадные глаза офицеров.

Даже то, что составляет счастье и радость всякой женщины – рождение моих детей, – только ухудшило мое положение. Пройдя через родовые муки и впервые взяв на руки крохотное тельце моей дочери, я ощутила, что жизнь внезапно исполнилась смысла. Даже Рудольф изменился и несколько месяцев был нежен со мной, но ему это очень быстро прискучило, и он снова вернулся к тому, что любил более всего на свете – к своим туземкам. По его словам, ни одна европейская женщина не могла соперничать с азиатками, для которых любовная близость была чем-то вроде танца. Он заявлял мне это совершенно открыто, без малейшего стеснения, быть может, оттого, что был постоянно пьян, или оттого, что намеренно пытался меня унизить. Позже Андреас рассказывал мне, что как-то, когда они были в очередном бессмысленном походе из ниоткуда в никуда, Рудольф заявил ему в приливе пьяной откровенности:

– Тревожит меня Маргарета. Ты видел, как наши на неё пялятся? Она бросит меня и глазом не моргнет.

Да, он боялся потерять меня, а в рамках мужской извращенной логики этот страх превращал его в чудовище, и Рудольф становился хуже день ото дня. Обнаружив, что был не первым, он стал называть меня шлюхой. В его

распаленном воображении возникало множество мужчин, с которыми я была якобы близка до замужества, и он требовал, чтобы я во всех подробностях рассказывала, как жила с ними. Когда я, рыдая, призналась в том, что произошло в кабинете директора школы, он избил меня за ложь, но позже принуждал без конца повторять эту историю, домогаясь все новых и новых деталей и при этом мастурбируя. Поскольку я почти ничего не помнила, кроме ощущения какого-то кошмара, он выспрашивал подробности, и я покорно выдумывала их, не очень понимая, зачем это делаю.

Он дошел до того, что отправил меня со служанкой купить платье, напоминающее мою школьную форму, и когда в него вселялся неведомый бес, заставлял меня облачаться в него. Любимым его развлечением тех лет было повторять снова и снова одну и ту же сцену: он швырял меня на стол и насиловал, громкими криками оповещая прислугу, что я должна быть в восторге от происходящего.

Иногда он требовал, чтобы я изображала скромницу и сопротивлялась, иногда – чтобы я кричала, прося его быть со мною пожестче, потому что шлюхам нравится такое обращение.

Постепенно я перестала понимать, кто я и где я. Я растила дочку, ходила по дому с высокомерным и гордым видом, пряча под пудрой и румянами синяки и царапины, и знала, что не обманываю этими ухищрениями никого, ровным счетом никого.

Я снова забеременела, родила и несколько дней была неимоверно счастлива, пестуя своего сына, но его отравила кормилица, и я даже не узнала, почему она это сделала, – слуги убили ее в тот же день, когда я обнаружила мертвого младенца. Позже мне сказали, что так она отомстила моему мужу за побои, насилие и тыжелейшую работу.

Теперь у меня остались только дочка, пустынный дом, откуда муж не выпускал меня, боясь измены, да город, прекрасный до такой степени, что эта красота действовала угнетающе, – и в этом раю у меня был собственный маленький ад.

И вдруг все разом изменилось: начальник гарнизона пригласил всех офицеров с женами на танцевальное представление в честь одного из правителей острова.

Рудольф не смел перечить начальству. Он дал мне денег и велел одеться роскошно и соблазнительно. Его «роскошно» было мне понятно – Рудольфу хотелось пустить пыль в глаза однополчанам. Но если он, как я узнала позже, так боялся, что я его брошу, зачем ему было нужно, чтобы я выглядела обольстительно?

В назначенный день мы прибыли на место представления. Женщины смотрели на меня с завистью, мужчины – с вожделением, и я заметила, что Рудольфа это возбуждает. По всему было понятно, что праздник кончится скверно, по крайней мере для меня: избитая и изнасилованная, я должна буду рассказывать в подробностях, что бы я позволила сделать с собою каждому из присутствовавших офицеров. Мне во что бы то ни стало надо было уберечь то единственное, что у меня еще оставалось, – себя самое. И я нашла способ сделать это – завела нескончаемую беседу со знакомым офицером по имени Андреас, причем жена его не сводила с меня изумленных испуганных глаз. Я следила, чтобы бокал Рудольфа не пустел, рассчитывая, что в конце концов спиртное свалит его с ног.

Мне бы очень хотелось сейчас прервать рассказ о Яве. Когда теченьем приносит воспоминание, способное растравить одну старую рану, неожиданно открываются и все прочие, и вот уже душа истекает кровью, да так, что остается только упасть на колени и зарыдать. Но я не могу поставить точку, не рассказав прежде о трех событиях, изменивших мою жизнь: о решении, которое я приняла, о танце, который мы видели, и об Андреасе.

А решение мое было простое: с меня довольно, я больше не могу жить за гранью страдания, ни одно человеческое существо не в состоянии вынести мучений, какие выпали на мою долю.

Пока я думала об этом, на сцену вышли танцовщики, участвующие в представлении в честь губернатора. Вместо выразительного, торопливого, судорожно-веселого ритма, к какому я привыкла во время моих редких выходов в городской театр, танцовщики – их было девять человек – двигались с нарочитой медлительностью, и поначалу мне сделалось тоскливо и тошно, но потом я стала впадать в какое-то подобие транса, и он становился все глубже по мере того, как танцовщики, отдавшись на волю ритма, принимали позы, до тех пор казавшиеся мне совершенно немыслимыми. Помню одну из фигур – неестественно выгнувшиеся тела застыли в подобии буквы S, даже смотреть на это было больно, а танцовщики стояли, не шелохнувшись, и вдруг одним

прыжком стряхнули с себя неподвижность – так выскакивает из засады леопард.

Все девятеро были выкрашены в синий цвет, на всех были традиционные саронги и что-то вроде поперечной шелковой ленты – она подчеркивала мышцы мужчин и скромно скрывала груди женщин. На головах были усыпанные камнями диадемы. Иногда танец из сладостного становился воинственным, шелковые ленты превращались в клинки.

Мой транс становился все глубже. Впервые в жизни я видела, что Рудольф, Голландия, жестоко умерщвленный младенец-сын – все это было только частью вечно умирающего и воскресающего мира, точь-в-точь семена, что моя мать дала мне с собою в дорогу. Подняв голову, я увидела пальмовые листья, а над ними – звездное небо, и уже готова была покинуть пределы этого измерения и очутиться в ином пространстве, но тут голос Андреаса бесцеремонно прервал мой экстаз:

– Вы понимаете смысл всего этого?

Думаю, что да, я понимала, потому что в первый раз сердце мое перестало истекать кровью и просто наслаждалось чистейшей красотой. К сожалению, мужчины вечно чувствуют себя обязанными что-то нам объяснять, и Андреас принялся рассказывать мне, что корни этого танца, объединяющего йогу и медитацию, следует искать в древних индуистских традициях. Бедняга Андреас не в состоянии был понять, что танец сродни поэзии, только слова заменены движениями.

Поскольку моя умственная йога и моя внезапная медитация были так грубо прерваны, мне не оставалось ничего другого, как приличия ради поддержать разговор.

Жена Андреаса не сводила с него глаз. А он смотрел только на меня. Рудольф делил свое внимание между мною, Андреасом и какой-то дамой – приятельницей губернатора, – улыбками отвечавшей на его любезности.

Так мы беседовали под укоризненными взглядами яванцев – они не одобряли нас, болтливых иностранцев, оскорбляющих их священный ритуал. Видимо, поэтому представление кончилось раньше, чем предполагалось, и танцовщики почти демонстративно покинули сцену. Ни единым взглядом они не удостоили

толпу неотесанных белых варваров с их напомаженными бородами и усами и разряженными, визгливо смеющимися женщинами.

Рудольф собрался отойти к приглянувшейся ему яванке. Та продолжала с улыбкой посматривать на него, а я поспешила еще раз наполнить его стакан. Жена Андреаса подошла поближе к нам, делая вид, будто ее чрезвычайно интересуют скучные речи ее мужа, все еще разъяснявшего мне местные танцы, взяла его за руку и посмотрела на меня, как бы говоря: «Это мое».

– Все эти годы, – сказала она внезапно, перебивая его монолог, – я была тебе верна. Мое сердце принадлежит тебе, каждое движение моей души, каждое принятое решение зависело только от тебя, и Господь мне свидетель – каждую ночь я молилась только об одном: чтобы ты вернулся домой невредимым. Если бы потребовалось отдать за тебя жизнь, я сделала бы это не задумываясь.

Андреас попросил разрешения откланяться, сказав, что им пора домой – представление утомило их обоих, но его жена заявила, что даже и не подумает никуда уходить. Она говорила так властно, что ее муж не то что возразить, но и шевелиться больше не отваживался.

– Я терпеливо ждала, пока ты поймешь, что ничего важнее тебя у меня в жизни нет. Я приехала с тобой на этот остров, который при всей своей красоте становится кошмаром для любой женщины, даже, пожалуй, для Маргареты.

Она обернулась ко мне, взглядом своих огромных голубых глаз словно умоляя меня подтвердить ее слова, поддержать священную женскую традицию вечно враждовать и вечно быть союзницами, но мне не хватило мужества кивнуть.

– Я боролась за свою любовь изо всех сил – но вот они иссякли. Такая тяжесть легла мне на сердце, что сердце не может больше биться. Изнемогая, оно сказало мне, что кроме этого мира есть и другие миры и там мне не придется искать близости мужчины, умолять его, как о милости, чтобы он заполнил мои пустые дни и одинокие ночи.

Что-то подсказывало мне, что близится трагедия. Я стала просить жену Андреаса успокоиться: все присутствующие ее любят и желают ей добра, а муж ее – пример для подражания другим офицерам. Она покачала головой и усмехнулась, будто уже не раз слышала все эти возражения. И продолжила:

– Возможно, тело мое еще дышит, но душа в нем уже умерла, и я не могу ни выбраться отсюда, ни заставить тебя понять, что твое настоящее место – подле меня.

На Андреаса было больно смотреть. Он, офицер, всегда так заботившийся о своей репутации, явно был в смятении. Я отвернулась от них и хотела уже отойти, но жена Андреаса отпустила его и проворно схватила меня за руку.

– Только любовь способна наполнить пустоту смыслом. Так случилось, что теперь я лишена этой любви. Есть ли смысл длить это существование?

Она подошла ко мне вплотную, так близко, что я невольно ощутила ее дыхание, но не уловила запах спиртного. И не заметила слез у нее на глазах. Должно быть, она их давно выплакала.

– Не уходите, Маргарета, прошу вас. Вы добрая женщина, вы недавно потеряли сына – о, я хорошо знаю, что это такое, хотя мне не довелось носить под сердцем дитя. То, что я делаю, я делаю не ради себя, но ради всех узниц ложно понимаемой свободы.

Внезапно в ее руке оказался маленький пистолет, и прежде, чем мы успели остановить ее, она выстрелила себе в сердце. Несмотря на то что пышное платье приглушило звук выстрела, все присутствующие повернулись к нам. Кажется, вначале люди подумали, будто это я кого-то убила, потому что секунду назад жена Андреаса стояла, вцепившись мне в руку, но сразу вслед за тем все увидели ужас на моем лице. Андреас упал на колени и пытался остановить кровь, но она все текла и уносила с собой жизнь его жены. Та умерла в его объятиях, и в глазах ее не было ничего, кроме умиротворения. Люди подошли поближе, и вместе с ними Рудольф. Его яванка поспешила удалиться – наверно, ей стало страшно в толпе нетрезвых вооруженных мужчин. Не дожидаясь расспросов, я попросила мужа увести меня, и он согласился без единого слова.

Дома я заперлась у себя в комнате и начала складывать вещи. Пьяный Рудольф повалился на диван и уснул. Проснувшись на следующее утро, он заглянул ко мне после обильного, по обыкновению, завтрака и увидел собранные чемоданы. И только тогда впервые со вчерашнего вечера раскрыл рот.

– Куда это ты собралась?

– В Голландию, первым же пароходом. Или на небеса вслед за женой Андреаса. Выбирай.

Мой муж привык к тому, что он отдает приказы, а все вокруг повинуются. Но, видимо, по выражению моего взгляда понял, что все изменилось, и, поколебавшись мгновение, молча развернулся и ушел прочь из дому. Вернувшись вечером, он сказал, что нам обоим надо отдохнуть и что он выхлопотал отпуск. Две недели спустя мы отплыли в Роттердам.

Все это время мне казалось, будто я приняла крещение в крови жены Андреаса. Принесенная ею жертва освободила меня навсегда, но пока ни я, ни мой муж не знали, как далеко эта свобода меня заведет.

Время для меня бесценно, и его осталось так мало, – хотя я все еще надеюсь на помилование, ведь у меня было столько друзей среди министров, – и на что мне приходится его тратить? Пришла сестра Лоранс, принесла мне список вещей, конфискованных при аресте.

Очень осторожно спросила, что она должна будет сделать с ними в том случае, если события развернутся по самому скверному варианту. Я попросила ее оставить мне список, теперь мне не до него. Если оправдаются мои худшие опасения, сестра Лоранс сама превосходно сумеет распорядиться этими вещами. И все же я буду надеяться на лучшее и перепишу этот список сюда.

Первый кофр:

золотые часы, отделанные голубой эмалью, купленные в Швейцарии – 1 штука;

1 круглая картонка, а в ней: шесть шляп, три булавки из золота с жемчугом, несколько плюмажей, вуаль, две меховых пелеринки, три эгрета, брошь в форме груши и вечернее платье.

Второй кофр:

сапожки для верховой езды – 1 пара;

щетка для ухода за лошадью – 1 штука;

вакса сапожная – 1 жестянка;

гамаши – 1 пара;

шпоры – 1 пара;

ботинки кожаные – 5 пар;

рубашки для верховой езды, белые – 3 штуки;

салфетка – не знаю, что она там делает, только место занимает, может, я протирала ею сапожки? – 1 штука;

кожаные гетры для защиты голеней – 1 пара;

3 специальных лифа, предназначенные для того, чтобы грудь не прыгала, когда лошадь идет галопом;

8 пар шелковых и 2 пары хлопчатых штанишек;

2 пояса от разных костюмов для верховой езды;

перчатки – 4 пары;

зонтик – 1 штука;

козырек, защищающий глаза от солнца – 3 штуки;

3 пары шерстяных чулок, одна из них довольно поношенная;

чехол для хранения и перевозки платьев – 1 штука;

15 гигиенических прокладок;

1 шерстяной джемпер;

костюм для верховой езды в мужском седле – с рединготом и брюками-галифе;

1 коробка шпилек для волос;

1 шиньон с гребешком для удержания на голове над моими собственными волосами;

3 горжетки лисьего меха и

2 коробочки пудры.

Третий кофр:

6 пар подвязок;

1 флакон увлажняющего крема;

ботиночки лакированные, на высоком каблуке – 3 пары;

2 утягивающих корсета;

34 платья;

1 полотняный мешочек ручной работы с семенами неизвестных растений;

8 легких корсетов, не стесняющих движений;

1 шаль;

удобные штанишки – 10 пар;

3 жилета;

2 полудлинных жакета;

3 расчески;

16 блузок;

еще одно вечернее платье;

1 полотенце и 1 брусок душистого мыла – я не пользуюсь теми, что предоставляет отель, на них могут быть микробы;

1 жемчужная нить;

1 сумочка с зеркальцем внутри;

щетка для волос с мраморной ручкой – 1 штука;

шкатулки, куда я складываю перед сном свои украшения – 2 штуки;

медная коробочка для визитных карточек с выгравированной надписью «Вадим Маслов, капитан императорской гвардии» – 1 штука;

фарфоровый чайный сервиз в деревянном ящичке, я выиграла его во время путешествия – 1 штука;

2 пеньюара;

1 пилка для ногтей с перламутровой ручкой;

2 портсигара, один серебряный, другой золотой или же – позолоченный, не знаю точно;

8 ночных сетчатых чепчиков;

колье и серьги в футлярах, кольцо с изумрудом, еще одно кольцо с бриллиантами и изумрудом, сколько-то недорогих безделушек;

21 носовой платок в шелковом мешочке;

3 веера;

помада и румяна – лучших французских марок;

французский словарь;

бумажник с моими фотографиями и…

и еще куча разнообразных пустяков, от которых я намерена избавиться, как только меня отсюда выпустят: перевязанные атласными ленточками письма моих приятелей, билеты в оперу и прочая чепуха в этом роде.

Большую часть моих вещей оставили в залог в гостинице – там вообразили, будто у меня нет денег, чтобы расплатиться за комнату. Как им только в голову могла прийти подобная глупость? Париж – моя судьба, город моей жизни, я никогда бы не позволила, чтобы меня там считали мошенницей.

Я не просила небеса о счастье, я мечтала стать только чуточку менее несчастной и жалкой, чем была до сих пор. Будь у меня больше терпения, возможно, я оказалась бы в Париже при других обстоятельствах, но у меня не осталось уже сил ощущать постоянное неодобрение мачехи и мужа, слышать бесконечное хныканье ребенка, ловить на себе осуждающие взгляды обитателей городка – все тех же набитых предрассудками провинциалов, а ведь я уже была замужней добропорядочной дамой!

Мне понадобилось все мое чутье и немалая изворотливость, но я сумела ускользнуть из дому так, что никто поначалу не заметил моего отсутствия, и

купить билет до Гааги. Прямо с поезда я отправилась во французское консульство. Еще молчали пушки, еще было несложно получить разрешение на въезд, к тому же в европейских конфликтах Голландия всегда сохраняла нейтралитет, и я была уверена в удаче. Мне удалось познакомиться с консулом, и спустя два часа – все это время он пытался меня соблазнить, а я делала вид, будто поддаюсь, – у меня уже был билет в одну сторону до Парижа, и я клялась консулу, что непременно дождусь его там, когда бы ему ни захотелось меня навестить.

– Я умею быть благодарной, – сказала я. Он понял намек и спросил, чем я намереваюсь заняться в Париже.

– Танцами. Классическими восточными танцами.

Восточные танцы? Интерес консула ко мне еще усилился. Не поспособствует ли он мне, поинтересовалась я. Он сказал, что мог бы представить меня одному очень влиятельному богатому коллекционеру, совершенно помешанному на всем восточном – господину Гиме.

– Когда вы сможете выехать в Париж?

– Сегодня, если вы найдете, где мне остановиться.

Кажется, консулу показалось, что им манипулируют, что перед ним – одна из тех женщин, которыми кишит Париж, куда они слетаются со всего света в поисках богатых любовников и легкой жизни. Я поняла, что сейчас он попытается ускользнуть. Он еще слушал меня, но внутренне уже отдалился и теперь холодно наблюдал за каждым моим жестом, ловил каждую гримаску, каждое движение. К его изумлению, я, только что державшая себя как завзятая роковая женщина, вдруг стала скромнейшим в мире созданием.

– Если упомянутая вами персона захочет, я покажу один-два настоящих яванских танца. Если ему не понравится – вернусь в Голландию первым же поездом.

– Но, мадам…

– Я не замужем.

– Но, мадемуазель, вы просили билет только в один конец.

Я вынула из сумочки деньги – их было достаточно, чтобы купить обратный билет, – и показала ему. Я прекрасно могла оплатить себе билет и до Парижа, но как было не позволить консулу меня выручить? Рыцарские порывы делают мужчин такими очаровательно-уязвимыми… и разве не всякий мужчина мечтает спасти деву в беде? Так по крайней мере утверждали яванские подружки наших офицеров.

Консул явно успокоился на мой счет и спросил мое полное имя, чтобы написать рекомендательное письмо к господину Гиме. Как же я не подумала об этом?! Имя… от него ниточка протянется к моей семье, а на что Франции беглая жена из нейтральной страны?

– Так как же вас зовут? – настаивал консул, уже занеся перо.

– Мата Хари.

И снова я ощутила, что вместе с кровью жены Андреаса приняла новое крещение.

Я не могла поверить своим глазам: передо мною прямиком в небеса уходила огромная башня из железа, я ни разу не видела ничего подобного ни на одной почтовой открытке. По обоим берегам Сены высились здания, напоминающие то о Китае, то об Италии, то о еще каких-то странах. Я попыталась найти среди них что-нибудь, напоминающее мне о Голландии, но не преуспела. И что могло бы служить символом моей страны? Старые мельницы? Тяжелые деревянные башмаки-кломпы? Ничему этому не было места среди торжества современности. Рекламные афиши на круглых железных тумбах оповещали о невообразимых новшествах и достижениях:

«Свет, который зажигается и гаснет без газа и огня! Спешите видеть! Только во Дворце электричества!»

«Просто станьте на ступеньку – самодвижущаяся лестница сама поднимет вас!» – было написано под изображением чего-то, напоминающего открытый

сверху туннель с перилами.

«Ар-нуво, модные течения».

На этом объявлении не было восклицательных знаков, но был фотографический снимок фарфорового сосуда, украшенного фарфоровыми же лебедями. Под снимком – изображение гигантской структуры, чем-то напоминающей поразившую мое воображение металлическую башню, с пышным названием Большой дворец.

Синеорама, Мареорама, Панорама – все они посредством движущихся картинок обещали перенести зрителя в места, о которых он не смел и мечтать. И чем больше я смотрела на все это, тем потерянней себя чувствовала. И тем страшней мне становилось. Я почти раскаялась в своем побеге: кажется, я откусила кусок не по зубам.

А город кипел вокруг меня, куда-то спешили люди: женщины в таких изысканных нарядах, каких я еще в жизни не видывала, мужчины, явно занятые судьбами мира. Впрочем, стоило мне обернуться, и я ловила на себе их взгляды.

Сжимая в руке словарь – я учила французский в школе, но теперь чувствовала себя очень неуверенно, – я обратилась к молодой даме примерно моего возраста и, с трудом подбирая слова, спросила, где находится гостиница, в которой консул забронировал для меня комнату. Дама окинула беглым взглядом мою фигуру, мой багаж, с чуть большим вниманием осмотрела мою одежду – я была одета в свое лучшее яванское платье – и, не проронив ни слова, повернулась ко мне спиной. По всей видимости, парижане не жаловали иностранцев или же считали себя избранным народом среди всех, населяющих землю.

Я повторила попытку два или три раза – с неизменным результатом – и, наконец, устав, присела на скамейку в саду Тюильри. Как я мечтала об этом в отрочестве! Я была в Париже, и это была огромная победа, но что мне теперь делать? Неужели придется возвращаться назад? В душе боролись радость и неуверенность, я знала, что вряд ли сумею сама отыскать себе место для ночлега. И в это мгновение, наконец, вмешалась судьба: чей-то цилиндр, принесенный внезапным порывом ветра, уткнулся мне в ноги и замер. Я осторожно подняла его и поднялась навстречу быстро идущему по дорожке мужчине.

– Я вижу, вам удалось поймать мою шляпу, – сказал он.

– Ей приглянулись мои ноги, – ответила я.

– Не могу ее за это упрекнуть, – галантно сказал он, даже не пытаясь скрыть своего интереса. В отличие от моих чопорных соотечественников, французы славились свободой нравов.

Мужчина протянул руку, но я спрятала цилиндр за спину, моему же собеседнику протянула конверт с названием гостиницы. Он прочел и глянул на меня вопросительно.

– Там остановилась моя подруга. Я приехала провести с нею несколько дней.

Лучше было бы сказать, что я собираюсь с нею поужинать, но как объяснить багаж? Мужчина помолчал. «Вероятно, – подумала я, – гостиница эта – третьесортная ночлежка». И тут он меня удивил:

– Улица Риволи проходит прямо за вашей спиной. Позвольте мне поднести ваш саквояж. Тут по пути есть несколько очень приличных заведений. Быть может, вы не откажетесь от рюмочки ликера, мадам?

– Мадемуазель. Меня зовут Мата Хари.

Терять мне было нечего, к тому же это был первый парижанин, отнесшийся ко мне по-дружески. Мы направились к гостинице и по дороге завернули в ресторан, где официанты, столь элегантные, что всем бы походили на участников званого ужина, если бы не длинные, до самого полу, передники, держались почти сурово и не улыбались никому, кроме моего спутника, чье имя я уже успела позабыть. Мы отыскали удобный столик в углу зала и сели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/paulo-koelo/mata-hari-shpionka

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити